

«Мой дорогой господин Пьянчани! Только что я получил письмо от моего отца, в котором он говорит мне окончательно, что не едет во Флоренцию и что я должен приехать к нему в Женеvu; я уезжаю сегодня же и вот почему не могу зайти поблагодарить вас лично за ваше письмо к моим сестрам; делаю это письменно.

Пользуюсь случаем, чтобы представить вам моего душевного друга, доктора Эмиля Лье, о котором я вам говорил.

Я приду повидаться с вами, как только вернусь, — приблизительно недели через две. Пока же дружески жму вам руку.

Преданный вам А. Герцен - сын».

Печатается по микрофильму с автографа В. Н. Перевод Л. Р. Ланского.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 445.

²⁰ «Лит. наследство», т. 62, с. 546.

²¹ См.: «Архив Огаревых». М.—Л., 1930, с. 24—25, 33.

²² Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 265; «Лит. наследство», т. 62, с. 561.

²³ М. Гершензон. Западные друзья Герцена («Былое», 1907, № 5, с. 220).

²⁴ Для оценки Кавура и Маццини Герцен использует известный евангельский рассказ о страхе Лазаря — практичной Марфе и восторженно-созерцательной Марии.

²⁵ Венеция была возвращена Италии в 1867 г., Рим — после поражения Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг.

²⁶ Название книги У. Фосколо, означающее в переводе «Плач».

²⁷ См.: А. Негзен. Lettres inédites à sa fille Olga. P., 1970, p. 49, 53; «Лит. наследство», т. 64, с. 618, 620.

²⁸ «Лит. наследство», т. 61, с. 906—907.

ПЕРЕПИСКА С ИТАЛЬЯНСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К М. ГУАСТАЛЛЕ И ДЖ. ДОЛЬФИ. —

ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Ф. АБИНЬЕНТЕ, М. КВАДРИО, ДЖ. МАЦЦИНИ,
А. МОРДИНИ, Ф. ОРСИНИ, Л. СПИНИ, П. ФАБРИЦЦИ И А. ЦАНЕТТИ

Публикация и комментарии М. И. Ковальской,
М. Куна (Будапешт) и В. Е. Невлера*

Л. СПИНИ — ГЕРЦЕНУ И Н. А. ГЕРЦЕН

Публикация М. И. Ковальской

Среди первых друзей, появившихся у Герцена за несколько месяцев его пребывания в Италии в конце 1847 — начале 1848 г., был Леопольдо Спини (1815—1861). Уроженец Равенны, он около 1840 г. окончил юридический факультет Римского университета. В начале 1840-х годов Спини был связан с подпольной революционной организацией «Giovine Italia» («Молодая Италия»), возглавлявшейся Маццини. Однако и тогда, как и позднее, его политические убеждения, по-видимому, не были достаточно последовательны и тверды, о чем свидетельствовал отзыв о нем Маццини: «Душа Спини полна страха» (З. М. Цыпкина. Герцен и деятели итальянского национально-освободительного движения, с. 33).

В 1847 г. Спини стал редактором либеральной газеты «Italice», а затем созданной на основе слияния ее с «Вилансio» газеты «Ероса», начавшей выходить в Риме 16 марта 1848 г. Программа газеты в начале революции 1848 г. сводилась к требованиям «порядка, мира (. . .) спокойных дискуссий, мирного и непрерывного прогресса» (G. Leti. La rivoluzione e la Ripubblica romana. Milano, 1948, p. 18). Как видно из публикуемых ниже писем Спини к Герцену, взгляды редактора в главном совпадали с установками либералов. Он был сторонником конституционных реформ и верил в то, что папа Пий IX сможет стать подлинным вождем национального движения за независимость и единство Италии. Развитие событий 1848 г. способствовало эволюции политических взглядов Спини. Вялость и нерешительность Пия IX, его враждебная позиция в отношении антиавстрийской войны освободили Спини от иллюзий насчет папы. Предательская политика короля Сардинии Карла Альберта в ведении войны, обнаружившаяся вскоре после начала развертывания военных действий, заставила Спини отказаться также и от надежд на то, что Карл Альберт сумеет возглавить борьбу за освобождение Италии. Немалое воздействие на

* Письма Герцена к Гуасталле и Дольфи, а также письма к Герцену Квадрио и Маццини перевел Л. Р. Ланский. Остальные — М. И. Ковальская. В работе над публикацией участвовала К. Ф. Мизиано.

него в этом направлении оказал Герцен. Недаром в одном из своих писем Спини, вспоминая о спорах с русским другом, признает, что тот был прав в своем враждебном отношении к монархам вообще и к Карлу Альберту в частности.

Радикализация взглядов Спини, давшая основание Герцену назвать его «решительным революционером» (V, 113), отразилась и на тоне статей в газете «Ероса». Герцен с радостью отметил это в своих «Письмах с *via del Corso*», указав, что умеренные либералы «испугались радикализма, который стал высказываться прямо и открыто» в «Ероса» (V, 294).

Знакомство с комплектом этой газеты за март — июнь 1848 г. дает возможность проследить, как мирный, благожелательный тон в оценке деятельности Пия IX и Карла Альберта, терпимость даже по отношению к злейшим врагам любого прогресса — иезуитам — постепенно сменяются все более решительными требованиями объявления войны Австрии, организации армии, ее снаряжения, критикой итальянских правительств за пассивность в военных действиях, обвинениями контрреволюционной политики неаполитанского короля Фердинанда II, резким осуждением выступлений иезуитов. Отстаивая самые широкие буржуазные свободы — неограниченную свободу слова, юридическое равенство, суверенитет народа и т. п., газета приходит, например, к такому выводу: «Теперь уже не время размышлять, является ли демократия наилучшей формой организации общества, поскольку она стала единственно возможной формой» («Ероса», 1848, № 18, 6. IV).

Немудрено, что в Риме, где позиции врагов революции были очень сильны, начинается травля газеты. Ее издателей обвиняют в открытой проповеди республиканских и демократических идей. Это обвинение, казалось бы, подтверждается рядом публикаций. Так, на страницах «Ероса» время от времени появляются перепечатки из газеты «*Italia del Popolo*», редактируемой «самым либеральным из либералов» (по определению «Ероса») Дж. Маццини.

Однако несмотря на некоторые весьма радикальные общие декларации (которые дали Герцену основание сообщить своим московским друзьям о появившемся в «Ероса» «республиканском колорите», чему он, Герцен, способствовал, — XXIII, 90), газета, по существу, продолжала сохранять близость к либеральному правительству Теренцио Мамнани, «способного и мужественного руководителя», «нашей славы» («Ероса», 1848, № 36, 27. IV; № 43, 5. V). В ней резко осуждались социальные волнения римских рабочих, требовавших «хлеба и работы», а также выступления бланкистов в Париже за создание «угрозы анархии» (№ 35, 26. IV; № 41, 3. V и др.).

Из сочинений и писем Герцена, а также из публикуемых ниже писем Спини очевидно, что Герцен, его семья и друзья очень сблизились со Спини. Они вместе совершали прогулки по Риму, вместе отправились в Неаполь; Герцен и Спини делились мыслями о ходе событий в Италии; Спини помог найти пропавший в Неаполе портфель Герцена и пр. (см. V, 114—122).

Четыре дошедших до нас письма Спини к Герцену и его жене (письма Герцена к Спини неизвестны) представляют собой яркие и эмоциональные свидетельства очевидца и участника событий 1848 г. Надо полагать, что они служили для Герцена наряду с итальянской прессой и с газетой «Ероса» основными источниками его информации об итальянских делах.

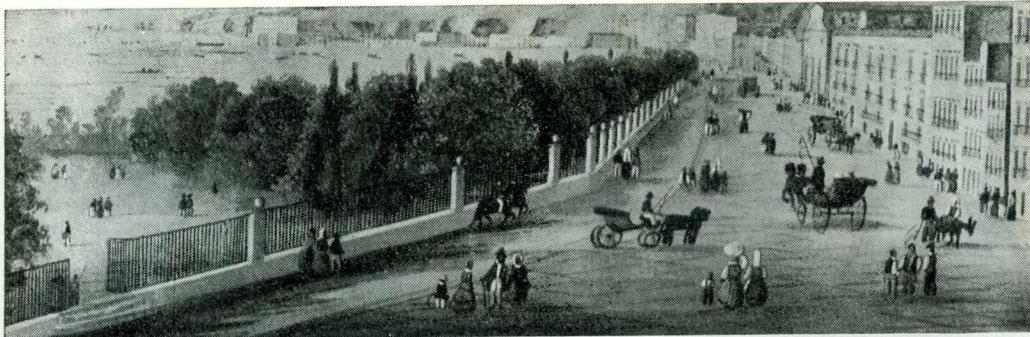
В письмах Спини с большой полнотой отразилось и его огромное уважение к Герцену и глубокая привязанность к его семейству. Особенно эмоционально его письмо к Н. А. Герцен. Следы исключительно теплого расположения жены Герцена к Спини мы находим в ее переписке с Н. А. Тучковой 1848—1849 гг. («Русские пропилеи», т. IV. М., 1917, с. 251, 255).

В период Римской республики 1849 г. Спини, вновь сблизившись с Маццини, выполнял обязанности секретаря триумvirата республики. После поражения революции он эмигрировал в Женеву, где сотрудничал в газете Маццини «*Italia del Popolo*».

О своей встрече со Спини в Женеве Герцен рассказывал М. Ф. Корш в письме от 4 августа: «1 августа <...> получаю я письмо от Leopoldo, от которого мы давным-давно не имели вестей; он пишет с тем же жаром, болезненно-дружеским, как вы знаете, кланяется вам, Тучковым, etc., etc. <...> Ну, я и идю, рад, что узнал о хорошем человеке. Вдруг мне кто-то кричит с набережной <...>: «Да это вы?» — и Leopoldo пошел обниматься и по обыкновению кашлять от аневризма. — Давно ли? — Сейчас приехал <...> Он еще более исхудал, но все так же интересен. Дождется меня в Женеве. Видите, чего не бывает: мы с ним примемся опять играть дуэты *, которыми душили всех» (XXIII, 171).

Дружба Герцена со Спини после 1849 г. прерывается. И это неудивительно, поскольку с того времени Спини совершенно отходит от политической деятельности. Женившись на какой-то

* Вероятно, Герцен имеет здесь в виду свои оживленные беседы на политические темы и споры со Спини. — *Ред.*

НЕАПОЛЬ. НАБЕРЕЖНАЯ ПОЗИЛЛИНО

Рисунок неизвестного художника (гуашь), 1840-е гг.

Литературный музей, Москва

«Неаполь нельзя не любить <...> что за удивительный край!» («Письма из Франции и Италии»)

жительнице пригорода Женева, он торгует в булочной, принадлежавшей его теще, а позднее становится преподавателем итальянского языка и литературы в школе. По-видимому, столь ранний уход Спино из рядов итальянского освободительного движения явился причиной того, что он оказался фигурой, почти забытой итальянской историографией.

Письма печатаются по фотокопиям с автографов *BPU G*. Впервые опубликованы В. Вюльме на языке оригинала в *ААН*, 67—76.

Перевод с итальянского:

1
Л. Спино — Герцену

Рим, 9 мая 1848 г.

Дражайший мой Герцен,

Выражаю вам, насколько я способен это сделать, мое чувство благодарности за то, что вы тотчас же написали мне из Чивитавеккья¹. Вы не можете себе представить, какое для меня благо то, что вы столь любезно храните память обо мне: прошу вас, сохраняйте ее, а я, со своей стороны, можете быть уверены, всегда буду отвечать вам тем же.

Я почти доволен тем, что вас не оказалось в Ливорно, и знаете почему? Потому что это обстоятельство невольно помогло вам осуществить ваше намерение побыстрее отправиться в Париж, и поэтому оно может также приблизить ваше возвращение в Италию, а для меня, таким образом, возможность снова увидеться с вами.

Сразу же после вашего отъезда моя счастливая звезда слегка помучила меня, а вернее, даже вовсе не слегка, настав на меня желудочную колику, которую я переносил на ногах до воскресенья. Но затем она стала столь острой, что вызвала воспаление, и я вынужден был нежно уложить ее с собой в постель и весьма усердно ухаживать за ней. Два дня я был без сознания из-за сильной боли и лихорадки. Однако четыре пиявки более или менее вернули меня к жизни. Я мирился с вынужденным отдыхом до вчерашнего дня, но больше не смог. Теперь я уже на ногах, хотя боль еще не совсем затихла.

Такова моя слишком затянувшаяся история с момента, когда мы расстались. История, мало приятная и тем более досадная, что болезнь свалила меня в то время, когда мне было необходимо особенно активно действовать. Теперь вы уже знаете о событиях в Риме в связи с папским «Обращением» от 29 апреля². Итак, в момент, когда я считал своим долгом предпринять кое-что и что-то мне удалось уже сделать, дьявол подставил мне ножку и загнал в постель. Какие дни пережил Рим, дни, достойные того, чтобы вы их увидели! Если бы не существовало реальной угрозы реакционных выступлений со стороны жителей Монти и Трастевере³, если бы в нынешней итальянской обстановке хотя бы несколько дней могла продержаться

гражданская война, если бы... если бы... и еще множество «если бы», вместе взятых, не воспрепятствовали осуществлению прекрасных планов до того, как я свалился в постель, то в Риме, безусловно, уже было бы провозглашено Временное правительство и великое слово «Республика» было бы запечатлено на наших знаменах. Увы! С Римом и папством дело провалилось; мои планы уже утратили свое значение. Я был, вы знаете, антиальбертистом — теперь же я, напротив, стал альбертистом⁴. Но вы не возмущайтесь, погодите.

Мое отношение к политическим проблемам Италии прошло три этапа: сторонник монархов до момента предоставления ими конституций и до революции в Вене; республиканец-папист; а теперь — альбертист. Сначала представлялось необходимым обеспечить согласие между монархами и народом, чтобы добиться свободы без неосуществимых на деле насильственных революций и побудить их начать войну за независимость. Добившись первой цели, следовало собрать все внутренние силы вокруг единого итальянского начала, а таковым было папство, которое должно было преодолеть тщеславие могущественных монархов и добиться полного освобождения народов. Однако же создание Италии, которая находилась бы под главенством папы, что вело бы, по-моему, к тому, о чем я говорил выше, означает, по существу, лишь объединение вокруг меча и решительный отказ от великого пастьера. Ибо итальянцам нужно знамя, вокруг которого они могли бы объединиться, особенно теперь, когда вспыхнула отнюдь не легкая война. Таким единственным знаменем является Карл Альберт: нужно дать разгореться тщеславию честолюбивейшего савойца, будь он даже самим дьяволом (а Иудой он и так уже является), во имя того, чтоб он боролся, победил, завладел всем и соорудил единое национальное здание...⁵ Позднее, где-то за пределом достигнутого, там, во тьме, пусть те, кто захочет, создадут машину по образцу Фиески, но усовершенствованную настолько, чтобы удар наносился наверняка⁶. Разработайте, хотя бы начерно, сцену свержения короля и династии, а что касается меня, то я не только не был бы недоволен, но даже, напротив, был бы весьма рад и готов оказать помощь всякому, кто взялся бы за исполнение этого акта. Когда развалины бедной Италии будут скреплены цементом, мастер-каменщик окажется ненужной помехой, паразитом-трутнем, который должен быть изгнан из улья. Все это так, но сначала он является необходимым элементом, премьером в опере.

О, этот папа, этот папа! Он перешел все границы, и я этого ему не прощу. Не прощу, кроме всего прочего, потому, что он заставляет меня изменять самому себе, вынуждает меня называть хорошим того, кого я презираю и ненавижу, как это произошло с Карлом Альбертом. Он заставляет меня быть политическим иезуитом, чего я хотел бы меньше всего. А ведь если бы папа, обратите внимание, именно папа, созвал в Риме Национальное собрание и провозгласил свободу, освобождение народов, то он стал бы могучей, высшей силой. Он собрал бы вокруг Рима, по моему мнению, не только итальянское, но европейское начало. Ни одна нация не могла бы иметь преимущества перед моей дорогой Италией. Вот каким я был папистом, католиком, чего никак не мог взять в толк господин Тучков⁷.

Великая республика в Риме стала бы моральной силой на Западе, она сосредоточила бы в себе судьбы нового европейского общества, дала бы новое направление в развитии цивилизации. Прощай всё, прощай всё! Но, теряя всё, мы спасаем по крайней мере хоть что-то. Если нельзя принести толка всему человечеству, следует подумать о нации. Поэтому с эгоистической точки зрения я говорю и всегда говорил, понимаю и всегда понимал: сначала — свое, самое близкое, потом — более отдаленное, сначала — благо, потом — слава.

Мамиани — министр внутренних дел, глава правительства⁸. Можете поверить, что мне это почти неприятно! Причина? Она проста. У меня душа свободная, как птица, и я хотел бы быть свободным во всем и всегда. Теперь же я вынужден насильно быть связанным с чужой волей, я оказываюсь, так сказать, введенным в правительственную сферу. Друзья говорят мне: «Почему ты недоволен? Ведь власть применяет твои принципы. Неужели ты хочешь противостоять собственным принципам?» Я не говорю этого и не намерен так действовать. Пока власть на деле будет соответствовать моим принципам, я, безусловно, не собираюсь отступать

МЕДАЛЬ В ЧЕСТЬ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ В ЛОНДОНЕ

Барельеф. Работа К. Винаера (бронза), 1863]

На лицевой стороне — портрет Герцена, надпись: «Alexander Herzen» и подпись скульптора: «Ch. Wiener». На оборотной стороне надписи: «First decennium of the free Russian Press in London» («Первое десятилетие Вольной русской печати в Лондоне»); «1833—1863»; «Земля и Воля». «Vivos voco!»

Экземпляр, принадлежавший Герцену

Музей Герцена, Москва

от нее ни на шаг, но многое здесь причиняет мне огорчение... Видите, я рассуждаю почти так, как если бы был сторонником Бабефа.

Простите за бесконечную нуднейшую болтовню: уже столько дней я не беседовал с вами, поэтому я чувствовал потребность говорить с вами как можно дольше. Я увлекся политикой и поэтому изливал душу без всякой жалости к своей жертве.

В Париже ли еще господин Тучков? Если он там, то пожмите ему руку столь же крепко, сколь велика моя привязанность к нему, передайте его семейству бесчисленные выражения моего глубокого уважения. Что сказать мадемуазель Мишель⁹ (сколь нежно воспоминание о ней), чтобы слова выразили всю силу моего чувства?

Пинто¹⁰ шлет бесчисленные поклоны и благодарит за память о нем...

Если мадемуазель Корш¹¹ не сумеет послать мне апельсин, то пусть пришлет хотя бы сигарету! Пусть она вспомнит о бедном Леопольдо и его не всегда приятных для окружающих привычках и пошлет ему никотиновое, наркотическое утешение... Да нет, пусть лучше пошлет слово, свидетельствующее о том, что она помнит обо мне; ведь это гораздо дороже, чем все другие утешения. С первым же письмом я пошлю одну новую народную песню с нотами, и м-ль Корш исполнит ее вместе с м-ль Эрн¹² (не знаю, правильно ли я написал ее имя). Передайте и ей мое глубочайшее почтение. У меня кончилась бумага, но не кончилось желание писать еще. Всяческие поклоны — вашей матери, самые сердечные приветы малышам.

Готовый выполнить любое ваше желание, горячо преданный вам

Л. Спини

На конверте:

Господину Александру Герцену, поручено передать через господина Ротшильда в Париже.

¹ Письмо Герцена к Спини от 28 апреля из Чивитавеккья неизвестно (см. ЛЖГ I, 449).

² 29 апреля 1848 г. Пий IX выступил в консистории (совещание кардиналов) с «Обращением» («Аллокуцией») — ответом на меморандум кабинета министров; в этом меморандуме содержалась просьба определить политическую линию в отношении войны с Австрией. Папа

осудил эту войну и заявил, что солдаты Папского государства были посланы к границам только для защиты целостности и безопасности его владений. Это заявление знаменовало важный поворот в папской политике, начавшей развиваться в реакционном направлении. Оно привело к окончательному крушению широко бытовавшего дотоле в Италии и во всей Европе мифа о либеральном папе, которому предназначено стать во главе борьбы за национальную независимость и единство Италии.

³ *Монти* и *Трастевере* — районы Рима, жители которых в большинстве своем были сторонниками сохранения светской власти папы и крайне враждебно относились к либеральному правительству Маммиани (см. V, 295—296).

⁴ Приверженцев точки зрения, будто Карл Альберт — единственный человек, который может возглавить итальянское национально-освободительное движение, называли альбертистами, противников — антиальбертистами.

⁵ Эта мысль Спино чрезвычайно близка к следующему рассуждению Маццини: «При всем отвращении, которое я питаю к Карлу Альберту, палачу моих лучших друзей, при всем моем презрении к его слабой и коварной натуре <...> будь он достаточно честолобив, чтобы захотеть объединить Италию, — я дал бы на это мое благословение» (G. M a z z i n i. Scritti editi ed inediti, v. 33. Imola, 1924, p. 218).

⁶ Спино имеет в виду покушение на жизнь французского короля Луи Филиппа, произведенное 28 июля 1835 г. группой заговорщиков во главе с корсиканцем Дж. Фиески. В момент, когда король со свитой отправлялся на празднование годовщины июльской революции 1830 г., с помощью «адской машины» был осуществлен взрыв. Луи Филипп остался невредим, но вокруг него оказались убитые и раненые.

⁷ Алексей Алексеевич *Тучков* (1799—1878) — декабрист, друг Н. П. Огарева, отец Н. А. Тучковой-Огаревой. Во время пребывания с дочерьми в Риме в 1848 г. он поддерживал дружеские отношения со Спино.

⁸ Граф Теренцио *Маммиани делла Ровере* (1799—1885) — итальянский политический деятель, ученый и писатель, активный участник либерального движения в Папском государстве. Ему было поручено формирование конституционного правительства, созданного 4 мая 1848 г., где он занял пост министра внутренних дел, но фактически был главой правительства, отстаивая необходимость продолжения войны с Австрией и создания лиги итальянских государств. В 1860—1861 гг. Маммиани занимал пост министра просвещения в правительстве Кавура, затем ряд дипломатических постов.

⁹ Каролина *Мишель* — француженка-гувернантка дочерей А. А. Тучкова.

¹⁰ Микеланджело *Пинто* (1818—1910) — журналист, историк и историк литературы. Вместе со Спино редактировал газету «Ероса». См. о нем в «Лит. наследстве», т. 64, с. 441—445.

¹¹ Мария Федоровна *Корш* (1809—1883) — близкий друг семьи Герцена; сопровождала ее в поездке за границу.

¹² Мария Каспаровна *Эри* (впоследствии по мужу Рейхель; 1823—1916) — друг семьи Герцена; как и М. Ф. Корш, уехала с ними в 1847 г. за границу.

2

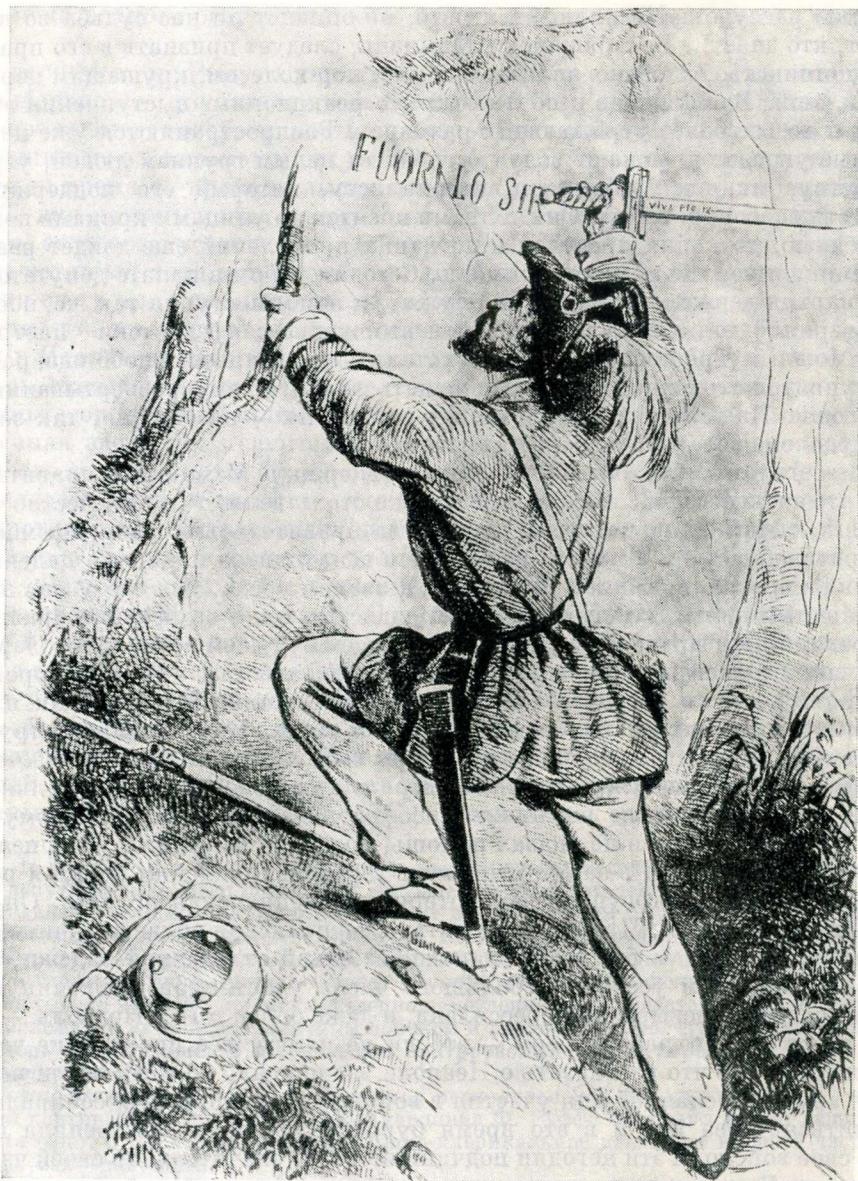
Л. Спино — Герцену

Рим, 25 июня 1848 г.

Будьте милосердны, пишите мне. Прошел уже месяц, как я послал вам письмо, на которое не получил ни слова в ответ. При тяжких муках, моральных и физических, которые мне приходится переносить, я чувствую потребность в утешениях дружбы: ведь только она поддерживает мое мужество. Я твердо знаю, что вы при вашей доброте знаете цену этому мужеству. Поэтому пишите мне, пишите.

Уже с месяц (после ужасных событий в Неаполе)¹, как груз моих обязанностей увеличился сверх всяких возможностей: никакой передышки. Напряжение возросло в десятки раз. Если бы результаты соответствовали затраченным усилиям, то это было бы святое дело. Но беда в том, что получается немного или почти ничего. Я чувствую себя с каждым днем все более бессильным; я бы сказал, что почти теряю всякую надежду, всякую веру. Какой же тогда смысл будет иметь жизнь?

Вы правы, мой дорогой Герцен, в отношении Карла Альберта и всего многочисленного рода королей: вы правы, тысячу раз правы, и вы глубоко проникли в душу своего бедного друга. Читая вас, я от всего сердца жал вам руку. Вы правы также и во многом другом. И если я все же продолжаю оставаться среди тех, кто окружает правительство Маммиани (однако всегда на свой манер, т. е. сохраняя приверженность только одним принципам, только справедливым идеям и всю полноту моей свободы и независимости); если я продолжаю принадлежать к правительственной сфере в указанной выше манере, то в отношении Карла Альберта я су-

«ВОН ИНОЗЕМЦЕВ!»

Аллегория, символизирующая борьбу итальянского народа против владычества Австрии

Литография неизвестного художника, 1848

Из книги: C. Spellanzon. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia. Vol. 3. Milano, 1936

щий дьявол. Я задыхаюсь от гнева и чувствую, что разум покидает меня, когда я слышу, как по всей стране, по всей Италии, его провозглашают «Спасителем», «Победителем», «Триумфатором», подобно тому как в древнем Риме превозносили Неронов и Домицианов. И еще огорчительнее выслушивать, как каждое твое незначительное слово неодобрения о нем вызывает самые жестокие оскорбления в мой адрес; выслушивать, как тебя называют иезуитом, приверженцем австрийцев и прочее, и прочее. Однако, кто знает, может быть, со временем обстановка изменится к лучшему и я смогу наконец вздохнуть с облегчением. Мне уже теперь кажется, если не ошибаюсь, что я чувствую не слишком далекое легкое душевное. Но и сейчас уже я не могу молчать; из-за нервной раздражительности я

часто теряю рассудок. Не иллюзии ли это, не обманет ли нас судьба во всем? — Кто знает, кто знает!.. Возвращаясь к Мамиани, следует признать в его правительстве то достоинство, что оно является до сих пор колесом, крушащим церковный правящий слой. Возмущение и почти открыто реакционные выступления этих сил происходят во все более угрожающих размерах. Распространяются уже не только письменные угрозы: угрожают вслух, угрожают целым группам людей, угрожают министерству, министру Мамиани, журналисту, который его поддерживает и выступает за свободу и войну. Они толпами носятся по улицам с криками подобного рода. Не знаю, до каких пределов и до каких проявлений еще дойдет реакция и смогут ли наши усилия ей противостоять. Сегодня утром в палате депутатов либеральная партия держала в карманах оружие, и я сам поступил так же, поскольку почти наверняка должно было произойти вторжение санфедистски² настроенных жителей Монти и Трастевере, которые хотели бы, организовав побоище, разогнать палаты, уничтожить конституцию, помешать дальнейшему разворачиванию военных действий. На этот раз ничего не случилось, но — не сегодня, так завтра — только чудо сможет избавить нас от этого.

После всего того, что объясняет мою поддержку Мамиани в правительстве, я скажу, что наше несогласие с властью все же столь велико (и это, честно говоря, относится и к Мамиани), что в эти дни, когда правительство, разрушаемое постоянным противоборством с папой, находилось и находится накануне падения, мы, сотрудники «Ероса», принимая Мамиани на званом обеде (как это у нас заведено по праздничным дням), с непередаваемой радостью пили за падение правительства, поздравляя друг друга с тем, что в ближайшем будущем возможно возвращение к естественной нашей позиции противников правительства, а не его сторонников.

Но оставим это в стороне — Италия, эта несчастная Италия, как плохи ее дела! Вот коротко каково положение — судите сами: Карл Альберт, трусливый и тщеславный, как всегда, по существу, ведет себя двусмысленно по отношению к австрийцам, чтобы, ничем не рискуя, выиграть хоть кое-что. Он настолько малодушен, что из страха даже не жаждет победы. Он прижался к правому берегу Адидже. Из-за того, что он не оказал помощь, потеряна Виченца и потерпела поражение папская армия³. Из-за его ненависти к республиканским идеям и ревности к другим итальянским государствам потеряна Венецианская область. Он же король... Этим все сказано. Что теперь делать? Венецианская область — полностью в руках австрийцев, мы — без армии и даже без самой отдаленной надежды восстановить ее — при всем усердии небольшого числа участников движения и палат (страна обессилена, невыразимо обессилена, и даже более того). Неаполь — враг!.. И после этого еще сохранять веру — это ли не наивысшее проявление человеческого мужества? Но что же сказать о Неаполе, если дошло до того, что двенадцатитысячная армия, посланная для участия в войне за независимость, собиралась уже переправиться через По, и в это время бурбонская гвиена расстреляла народ⁴, отозвала свое войско, и эти негодяи подчинились⁵. В значительной своей части они рассеялись по Романье, мародерствуют и бушуют в Кампанье... но это еще полбеды. Хуже обстоит дело в самом Неаполе. Для него было сделано больше, чем в наших силах. Множество разного рода печатных изданий распространено в провинциях, но удалось поднять лишь немногие районы королевства. Хотя, по правде говоря, это самые боеспособные силы, но их все же было недостаточно для успеха дела. Однако с каждым днем там все более оживает призрачная надежда на то, что тиран будет изгнан.

Сицилия (подумайте только!) жаждет отдать себя во власть какого-либо короля: совместно с комиссарами, приехавшими оттуда, здесь предстоит по крайней мере обсудить их намерения⁶. Благодаря известному авторитету, который я приобрел у этих комиссаров, я мог бы сделать значительно больше, если бы знал, где обитает в Риме либеральная партия. Я спрашивал об этом на площадях, в адресных бюро, и никто не смог мне ответить. Она считает себя партией, но неизвестно, насколько это обоснованно. Кроме шуток, идея свободы вызывает теперь здесь зевоту: горе нам! Тем не менее, что касается Сицилии, то мой друг из «Ероса», который всегда просит меня передавать вам приветы⁷, отправляется туда, чтобы добиться какого-

либо положительного результата, чего даже сегодня требуют от меня сицилийские друзья.

Но вернемся к Риму. Существует сильный и страшный Рим священников, а Рим либералов — это бледная тень без души и без нервов. Положение в Монти и Трастевере вызывает озабоченность, поскольку эти районы находятся в постоянном возбуждении из-за опрометчивых речей против либералов, войны и т. д. и т. п., с которыми время от времени выступает папа и которые распространяются среди низов. Со дня на день может наступить смертельный кризис для партии свободы... и тогда я, если останусь в живых, окажусь в Париже. Я собирался приехать туда в момент затишья, хотя мои друзья не слишком это одобряли. Теперь я вижу, что, хотя бы они этого или нет, я все равно должен буду думать об отъезде.

Считая, что не следует желать сильного правительства, вы были бы правы, если бы в Италии не шла война с иноземцами, война за свободу и независимость. Но теперь, скажу по чести, я бы хотел, чтоб у нас было даже не сильное правительство, а диктатор, который привел бы нас железной рукой к победе. Именно слабость, свойственная здешнему правительству, ведет к тому, что мы не можем получить даже одного солдата, хотя бы одного солдата, чтобы прогнать австрийцев. Эта идея сейчас владеет мной, и простите, что я почти неизменно придерживаюсь ее, хотя она и противоречит сокровенным чаяниям и чувствам моего сердца. И простите меня также за то, что я чересчур долго говорил о себе и здешних делах.

Итак, Франция находится в весьма грустном положении, по крайней мере, как мы ее видим из нашего далека! Сколько иллюзий терпит крушение! Кто победит? Что из всего этого получится? А бедный класс, который веками силится подняться со своего тяжелого ложа, проливает кровь, мечется в ужасных конвульсиях и просит у земли и у неба хотя бы часа отдохновения, просит мира и того, чтобы судьба избавила его от деспотизма и эгоизма. Будет ли этот бедный класс освобожден и получит ли он что-либо?.. Или же и на этот раз, как и в тысячу предыдущих, он восстал, вновь пролил кровь и опять оказался поверженным? Поверженным, изурнованным собственными бесплодными усилиями... угнетенным...*

¹ 13—14 мая 1848 г. в Неаполе состоялось предварительное совещание депутатов, избранных в палату депутатов; оно было посвящено обсуждению текста присяги депутатов при открытии палаты. В связи с этим возник острый конфликт между королем Фердинандом II и депутатами. Депутаты отвергли королевский текст присяги. Весть об этом конфликте вызвала сильное волнение в Неаполе. Вечером 14 мая в центре Неаполя появились баррикады. 15 мая войска заняли важнейшие стратегические пункты города. Героическое сопротивление восставших (их было всего около тысячи человек), преимущественно ремесленников и представителей мелкой буржуазии, было сломлено двенадцатитысячным войском и поддержавшими его неаполитанскими лацарони. День 15 мая вошел в историю как контрреволюционный переворот, осуществленный неаполитанским королем.

² Понятие «санфедизм» родилось в период неаполитанской революции 1799 г., когда возглавивший контрреволюционное движение кардинал Ф. Руффо выдвинул лозунг защиты святой веры (santa fede). С тех пор всякое реакционно-клерикальное движение в любой части Италии называлось санфедистским.

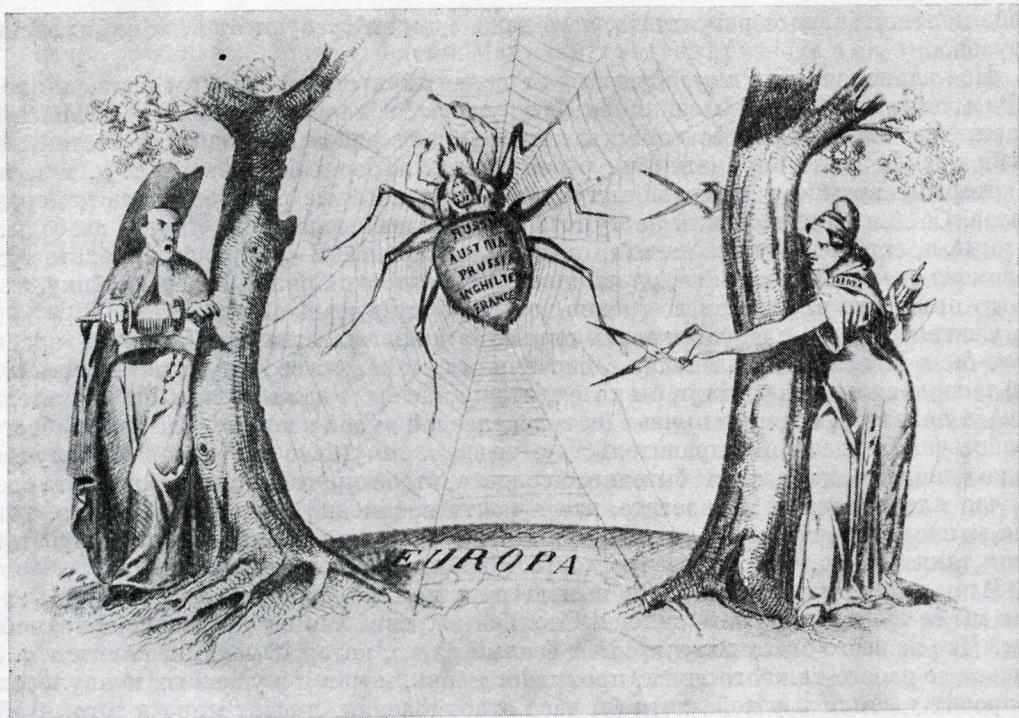
³ В результате бездействия пьемонтского командования, упустившего благоприятный момент и не атаковавшего австрийские силы при их отступлении из г. Мантуи к р. Адидже в начале 1848 г., австрийский фельдмаршал Радецкий перешел в наступление и с тридцатитысячным войском 10 июня атаковал г. Виченцу. Защищавший город одиннадцатитысячный корпус папских войск под командованием генерала Дурандо оказал отчаянное сопротивление, но вынужден был капитулировать.

⁴ Имеются в виду события 15 мая — см. прим. 1.

⁵ Информация об этом событии, полученная Спини, оказалась не совсем точной. В действительности генерал Г. Пепе, командовавший экспедиционным корпусом, получив 22 мая приказ немедленно вернуться в Неаполь, решил не выполнять распоряжения короля и двинуться в Венецианскую область. Однако большинство офицеров и солдат корпуса воспротивились этому и покинули Пепе. За генералом последовали лишь два батальона волонтеров и некоторые регулярные воинские части (главным образом артиллерийские и инженерные). 8 июня отряд Пепе переправился через р. По и 13 июня прибыл в Венецию. Пепе был назначен главнокомандующим сухопутных войск Венецианской республики.

⁶ 13 апреля 1848 г. по решению сицилийского парламента Бурбонская династия была лишена прав на сицилийский престол. Было решено также, что новым королем сможет стать лишь

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*

«НИТЬ ПЕНЕЛОПЫ»

Карикатура, высмеивающая попытки европейской реакции и итальянских клерикалов подавить освободительное движение в Италии

Сатирический журнал «Don Pirlone», 1849 (редактор — Леопольдо Спини)

один из итальянских принцев. Руководители Сицилии собирались предложить корону либо герцогу геновскому, второму сыну Карла Альберта, либо лотарингскому принцу — второму сыну великого герцога тосканского Леопольда II.

⁷ По-видимому, М. Пинто. См. вступительную статью к настоящей публикации.

3

Л. Спини — Н. А. Герцен

⟨Рим.⟩ 1 октября ⟨1848 г.⟩

Среди единственно возможных утешений в эти горестные для моей Родины дни ¹ одним из самых больших было ваше дорогое письмо, которое, позвольте мне признаться в этом, я прижал к своему сердцу, как желаннейшего друга. Что остается мне теперь, кроме мыслей и чувств благородной души, которая меня понимает и благоволит даровать мне чувство того возвышенного сострадания, которое ободряет и не унижает?

О бедах моей Родины вы, конечно, знаете. Более страшные разочарования в такой краткий срок и не могли бы нас постигнуть. Признаюсь, что, хотя я за многие годы приучил себя не питать больших надежд, тяжкая беда, разразившаяся столь быстро, ошеломила меня до глубины души. Я мог предвидеть поражение на поле битвы, но всего того непостижимого, что случилось, я никогда, никогда бы не ожидал. Как можно было предположить, что наступит такое охлаждение, апатия, хуже того, я бы сказал ярость в отношении к либеральным идеям, полная, всеобщая, абсолютная! Что ни говори, остается лишь незначительное и слабое меньшинство, которое еще горит желанием посвятить себя Родине и мечтает о ее возрождении, о ее независимости. Сколько горестей пришлось вынести, сколько страданий приходится переживать ежечасно от укоров, ненависти, ярости, причем я имею здесь

КАРИКАТУРА НА ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ ЛУИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Луи Наполеон пытается погасить свет «славы и чести Франции»

Подпись: «У всякого свой вкус. Мой дядя зажег, а я погашу»

Отклик на поддержку, оказанную Францией папскому Риму в его борьбе с итальянским освободительным движением

Сатирический журнал «Don Pirlone», 1849 (редактор — Леопольдо Спини)

в виду не правительство, что общеизвестно, но собственных сограждан, которые в разгар событий поддерживали тебя, а теперь подло возлагают на тебя всю тяжесть вины, считая, что именно ты погубил Родину. О господи, господи, это ужасно! Мужество, которое не покидает и не покинет этих немногих до последнего дыхания, дает им силы оказывать сопротивление правительству, из-за неорганизованности и глупости еще не рискующему предпринимать то, что даже при всей его слабости все же могло бы предпринять. Мы будем бороться до самого конца: поддержкой нам — наша совесть. В сердцах наших издавна живет мысль, что лишь в самих себе и в убеждении, что мы действуем правильно, можно найти награду за свои дела. И хотя то, к чему мы стремимся, лишь витает в воздухе, мы и теперь, когда нас хотят накрепко *связать*, смело идем своей дорогой. Борьба против Маммани достигает невероятной силы, «Contemporeneo» и «Ероса» будет трудно противостоять непрерывным ударам в виде вызовов, процессов, угроз и всеобщего отступления их союзников. Пыл газетенок, находящихся на содержании у правительства, который направлен против нас, именно против нас, захлестывает страну. Народ жадно глотает эту пищу, и я бы сказал, что скорее от народа, чем от правительства, мы можем ожидать каких-либо насильственных действий.

Чтобы отбиться от этих мелких газеток, мы с Пинто придумали один дерзкий, учитывая условия в Риме и наше положение, шаг: издание листка, который разоблачал бы происки обскурантизма, иезуитов и т. д. и т. п. и содержал бы аллегорические карикатуры. Для подобных изданий существует закон о предварительной цензуре. Очень тонко, но вместе с тем с предельной откровенностью мы выпустили в свет свой листок, не представив его вышеназванной цензуре. Вопли поднялись до небес. Обскурантизм служил и служит дьяволу. Открытый процесс, вызовы, вну-

шения, вплоть до прямого строжайшего порицания папы. А мы идем вперед, говоря себе: «Следуйте своим путем», пользуясь тем, что закон не может быть осуществлен по сути своей в условиях конституционного режима вследствие определенных обстоятельств места и времени, которые нетрудно обнаружить у такого правительства, как наше, скроенного из столь старых и рваных лоскутков. Кажется, что правительство пока побаивается публичности и действует исподтишка, но газета тем временем выходит. Благодаря одному из противоречий, органически присущих Риму, где рады посмеяться над каждым, народ получает удовольствие от листка, в котором высмеиваются священники, кардиналы, папа, обскурантисты и т. д. — одним словом, его нынешние идолы. Газету принимают так хорошо, что только здесь каждый день неизменно продается по 1 700 экземпляров; факт весьма значительный, если иметь в виду всю страну. Название этого маленького листка «Don Pirlone»², то есть итальянизированный мольтеровский «Тартюф». Можете представить себе, каких усилий нам это стоит, если никто из нас раньше не умел написать ни строчки в юмористическом стиле, если у нас нет ни одного карикатуриста... Однако по воле божьей дело идет вперед.

Но хватит обо всех здешних докучных делах. Что касается вас, то вы не поверите, как тяготит меня мысль увидеть вас все еще столь огорченными тем, что происходит повсюду. Мое сердце глубоко чувствует ту боль, которую наверняка вы испытываете в это несчастное время. Те мгновения, которые принадлежат мне, я целиком посвящаю мыслям о вас, и они служат единственным и великим утешением. Я думаю о прошедших минутах, совсем кратких мгновениях, и сердце наслаждается воспоминаниями о них, как если бы они все еще длились. Я потерял теперь всякую веру, одно все же продолжает жить во мне — это *дружба*, та нежная и сладостная дружба, о которой мне так много раз говорил ваш голос. На днях я побывал во Фраскати и вспоминал нашу прогулку по паркам, заход солнца, свое настроение в этот день, красные ягоды, собранные для малышки Наталины и маленького Александра. Вчера в Тиволи я обедал в гостинице Сибиллы и вновь увидел собачонку, которую маленький Александр, невинно шутя, назвал (не знаю почему) «портретом мадам Герцен!» Меня смешит это немыслимое сопоставление, даже когда я пишу об этом! Я побывал и у маленьких каскадов и думал о сравнениях, которые приходили мне на ум в тот день... Я вспомнил любимые стихи Гете об Италии, прочитанные мне вами и господином Герценом. А здесь — вилла Дориа, Пинчо, Колизей, термы Каракаллы — ах! — термы Каракаллы при прекрасном лунном свете³, они всегда говорят мне о вас, только о вас!.. Я очень несчастлив, но у меня есть сокровища, позволяющие мне переживать великие мгновения, беспредельные, как вечность, и счастливые, поистине счастливые. Как бы ни была тяжела жизнь, она имеет великие блага... Однако простите меня за мою обычную меланхолию, я сам не люблю ее, не могу ее любить и хотел бы, чтоб она исчезла.

Я очень огорчился, узнав о возвращении мадемуазель Наталины в Россию, прежде всего за этого милого ангела, а затем за вас⁴, ведь вы окажетесь так далеко друг от друга! Сделайте милость, напомните ей обо мне, когда будете ей писать. Мне также жаль, что мадам Корш покинула вас.

Однако ваша душа полна такой силы и философии, такого величия (поэтому в ней всегда вижу образец для подражания, которого почти не надеюсь когда-нибудь достигнуть), что вы, конечно, перенесете эти лишения менее болезненно, чем это могли бы сделать другие. О, утешьте меня дорогой надеждой, что я снова увижу вас и вновь пожму вашу руку; скажите мне, что я вновь увижу в Италии господина Герцена, если хотите доставить мне самое большое на свете удовольствие.

Напомните обо мне малышам, которых я нежно целую, позволяйте через вас поклониться и мадемуазель Герц⁵. С изъяснением глубоких и неизменных чувств сердечного уважения

верный вам Л е о п о л ь д о

¹ 16 сентября 1848 г. в Риме П. Росси сформировал реакционное правительство «сильной власти». Был усилен полицейский аппарат и ограничена свобода печати. Внешнеполитический курс Росси противостоял тенденциям возобновления войны за независимость Италии.

² Сатирический листок «Don Pirlone» начал выходить 1 сентября 1848 г. Редакцию возглавлял М. Пинто. Несмотря на преследования правительства, газета выходила до июля 1849 г.

³ В «Письмах из Франции и Италии» Герцен рассказывает о том, как ночью, сидя на «полуобрушившемся своде терм Каракаллы», он беседовал с «одним молодым итальянцем» о величии прежнего Рима, горячо отвергая теории «тщедушного утилитаризма» (V, 85—86). Этим письмом точно устанавливается, что он имел в виду Спини (см. ЛЖГ I, 428).

⁴ Речь идет о Н. А. Тучковой. В письме к ней от 17 октября 1848 г. Н. А. Герцен процитировала эту фразу из письма Спини на итальянском языке («Русские пропилеи», т. I. М., 1915, с. 251). «Он убит всем тем, что делается в Италии», — замечала она далее. — «Журналов в руки не беру, разве только «Ероса», и то, чтоб посмотреть, есть ли Spini на конце, — это, мне кажется, самое умное и интересное», — писала Н. А. Герцен в другом письме от 21 декабря 1848 г. (там же, с. 255). Н. А. Тучкова, в свою очередь, весной 1849 г. откликается на большую питату из письма Спини, посвященную восхвалению ее достоинств: «Я очень благодарна Spini за его дружбу, право он хороший человек...» (там же, т. IV. М., 1917, с. 90).

⁵ Вероятно, в автографе описка, и Спини имел в виду М. К. Эрн (Рейхель).

4

Л. Спини — Герцену

Рим. 1 октября 1848 г.

Мой дорогой Герцен,
Мой дорогой, мой дорогой!

Стыдно, очень стыдно за недостойную слабость итальянцев, и это чувство стыда не позволяло мне до сих пор обратиться к вам с письмом. Что сказать? Что непостижимая трусость лишила нас человеческого достоинства? Что мы были не чем иным, как стадом овец? Что мы вопили, как бесчестные твари, требуя, чтобы другие платили за то, чем владеть мы были недостойны? И разве может служить утешением то, что Франция, более того, вся Европа такие же, как мы? Что народы чувствуют себя столь несчастными, что готовы сами призвать снова к власти тирана, который терзал бы их? Что они не понимают, зачем им свобода, боже мой, свобода, которая является единственным подлинным благом для человека! Ах, Герцен, Герцен, поймите, какие горестные чувства вызывает подобное представление в душе, которая до сих пор жила лишь *мечтой, безумной, несбыточной мечтой* о полной, великой и всеобщей свободе. Я закрыл книгу: все происходящее — всего лишь стечение обстоятельств.

О том, что касается меня, я подробно написал госпоже Герцен, надоедая ей длинным и скучным рассказом о вещах, которые я сумбурно нагромоздил, как это часто ныне случается со мной. Могу сказать, что теперь, при полной неопределенности моего существования, у меня нет другого утешения, кроме немногих, очень немногих друзей. Считаю вас одним из первых среди них, я очень уповаю на вас: сделайте так, чтобы моя жизнь была менее грустной. Вспоминайте обо мне и пишите мне время от времени. Сделайте так, чтобы наступил день, когда я смогу обнять вас! О, если бы я сумел где-нибудь на свете найти город, где жили бы одни настоящие приверженцы свободы, как я об этом мечтаю! Но пока это невозможно, сделайте так, чтобы я пожал руки хотя бы вам, которого я считаю в немногочисленной семье моих друзей самым близким, самым нежным другом.

С намерением вскоре написать вам более подробно прошу передать мое самое искреннее почтение вашей матери и от всего сердца жму вам руку.

Всегда ваш Л е о п о л ь д о

П. ФАБРИЦЦИ, Ф. АБИНЬЕНТЕ И А. ЦАНЕТТИ —
ГЕРЦЕНУ

Публикация М. И. К о в а л ь с к о й

Паоло *Фабрицци* (1805—1859) — врач, участник итальянских революций 1831 и 1848—1849 гг., брат известного итальянского демократа Н. Фабрицци. После 1849 г. эмигрировал в Марсель, затем обосновался в Ницце, где поддерживал знакомство с семьей Герцена.

Филиппо *Абиньенте* (1814—1887) — участник революции 1848—1849 гг., был избран депутатом неаполитанского парламента. После поражения революции был арестован, но бежал и